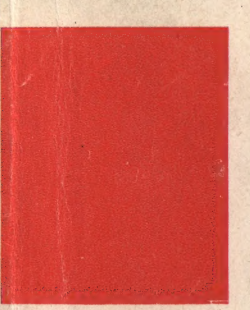
ОРЛЯТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

В ЗАЩИТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА ВЕЛИЧАЙШИЕ ОБРАЗЦЫ МУЖЕСТВА И ГЕРОИЗМА ПОКАЗАЛИ НАШИ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ, КОМСОМОЛЬЦЫ И КОМСОМОЛКИ. ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ В ТЕ ДНИ ДАЛ РОДИНЕ МИЛЛИОНЫ И МИЛЛИОНЫ БЕЗЗАВЕТНЫХ БОЙЦОВ. ОНИ СМЕЛО ШЛИ НА СМЕРТЬ РАДИ ЗАЩИТЫ ОТЧИЗНЫ.

Л. И. Брежнев

Мужал в боях юный партизан

Иван ВИНОГРАДОВ

В ДВЕНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

В канун пионерского юбилея я вновь восстановил в памяти образы парнишек военных лет, встречавшихся мне на партизанских тропах. Маленькие, недавно пережившие радость приобщения к пионерской семье, они, перешагнув детство, сразу становились взрослыми. В свои неокрепшие руки вместо школьных учебников и игрушек они взяли боевое оружие, а родившаяся в юных сердцах ненависть к врагу заслонила все детские увлечения.

Редкий партизанский полк или бригада не имели своего любимца — маленького партизана. Ребята проявляли такую смелость и находчивость, что становились незаменимыми разведчиками и связными. Некоторые из них пали смертью храбрых.

Многие юные герои остались живы. Теперь им всем за сорок. Перебираю старые снимки, с которых смотрят увешанные оружием, в шубах и папахах народные мстители. На нескольких снимках — невысокий улыбающийся мальчик с круглым лицом и пытливыми глазами. Специально сшитая по его росту шинелька перетянута портупеей. На голове кубанка с ленточкой наискосок. Сбоку — пистолет, на груди — бинокль. Это Миша Богданов. Вот он стоит с командиром 6-й партизанской бригады В. П. Объедковым. На другом снимке он с комиссаром 2-й бригады В. И. Ефремовым.

...У здания Кировского райкома партии Ленинграда партизаны выстроились по команде «смирно». Ефремов подозвал Мишу:

— Приготовиться! Будешь выступать от нашей бригады.

Открывается митинг. На трибуне — Миша Богданов. Над площадью звенит его голос:

— Товарищи ленинградцы! Я вам сейчас скажу, как я вступил в ряды партизан. В сорок втором году, когда вокруг нас началась борьба с фашистами, мы всей семьей — две сестры, четыре брата и отец — пошли партизанить...

Лев ЯНОВСКИЙ

ТЕЗКА ЛИНКОРА

В белорусском селе Станьково жил тракторист, который долгое время служил на флоте, плавал на линкоре «Марат».

Когда у него родился сын, он назвал его именем родного корабля. Иван Георгиевич Казей обещал подросшему сынишке:

— Свожу, дай только срок, тебя на «Марат».

Сшил даже мальчугану для такого случая матроску — белую блузу с большим синим воротником.

Не пришлось, однако, Марату посмотреть на отцовский корабль. Ранней весной, накануне пахоты, Иван Георгиевич тяжело заболел и вскоре умер. А летом разразилась война.

В Станьково нагрянули фашисты. Осенней ночью мама Марата, Анна Александровна, подожгла вражеский склад. Гитлеровцы дознались, кто вредит им. Они арестовали Анну Александровну, казнили ее.

Осталась у Марата одна только старшая сестра — Ада. Да и с ней пришлось расстаться. Девушка ушла в партизанский отряд, в бою ее тяжело ранило. Партизаны отправили Аду самолетом в госпиталь, на Большую землю. Прощаясь с братишкой, Ада передала ему свой автомат. А тот ей — матроску, подаренную отцом. Просил беречь. Сам же надел шинель, шапку с приколотой наискосок красной лентой.

Много раз ходил пионер в разведку. Последняя разведка была майским утром сорок четвертого.

...Когда Ада вернулась в освобожденное родное село, ей рассказали, как сражался и погиб ее четырнадцатилетний братишка. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Матроску Ада сохранила. Однажды Ада, Ариадна Ивановна, ставшая учительницей, Героем Социалистического Труда, узнала: отправился в плавание океанский теплоход, на борту которого начертано: «Марат Казей». Вскоре капитан этого корабля прислал Ариадне Ивановне письмо, в котором

Алевтина ЛЕВИНА

ПОВЕСТЬ О КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

Фронтовая жизнь Юры Жданко, витебского школьника, началась в июле сорок первого года. Последние наши части с боями оставляли Витебск. Уже взорваны были мосты через реку. Отступавшим бойцам вызвался показать брод десятилетний мальчик. Назад пройти было нельзя, город заняли фашисты. Красноармейцы взяли мальчишку с собой.

В одиннадцать лет на фронте его приняли в комсомол. За образцовое выполнение особого задания маршал Ворошилов лично объявил ему благодарность.

В двенадцать лет ему вручили орден Красной Звезды.

В тринадцать лет ветеран 332-й дивизии рядовой Юрий Жданко был контужен и отправлен в тыл.

Был Юра воспитанником стрелковой роты. Разведчиком.

Если бы о его фронтовой жизни снять фильм, то, отдав должное выдумке и изобретательности авторов, мы бы тем не менее упрекнули их в излишней закрученности сюжета, а то и в неправдоподобии. Однако жизнь нередко оказывается изобретательнее любого вымысла...

В наградах, которыми Родина отметила юного воина, нет скидки на его годы, награды эти заслужены выполнением сложнейших заданий командования на фронте и в тылу врага. И нет ошибки в том, что комсомольский билет выдали ему не в четырнадцать, как полагается по уставу, а в одиннадцать. Так постановила комсомольская организация роты. И записали в протоколе: «Просить ЦК комсомола в порядке исключения принять в комсомол Юрия Ивановича Жданко досрочно, за особые заслуги в боевой работе». В сорок втором году начальник политотдела дивизии полковой комиссар Асулгариев выдал Юре билет № 17445064. Сейчас он находится в минском Музее истории Великой Отечественной войны.

Заявление о приеме в комсомол Юра написал, вернувшись из вражеского тыла, с трудного и опасного задания. Да, он был очень юн. Но за год с

Андрей ЖАРИКОВ

НИКОЛЬСКИЕ ШКОЛЬНИКИ

Федя Панасов

Вначале партизанский отряд был малочисленным: состоял из нескольких комсомольцев Никольской средней школы, командовал которыми директор школы Иван Васильевич Андреев. Юные партизаны собирали оружие на местах боев и прятали его. Со временем отряд пополнился за счет воинов Красной Армии, оказавшихся в окружении, и местных колхозников. Командиром отряда партизаны избрали бывшего председателя колхоза Василькова, Андреев стал комиссаром.

...Гитлеровские войска шли стороной, в Никольском еще не были. Вечером директор школы собрал в балке сельских ребят.

Иван Васильевич сидел на траве, вокруг — школьники. Директор сказал ребятам, что теперь они в тылу врага, главная задача всех советских людей — сражаться, не покориться фашистам.

Потом на собрании приняли нескольких ребят в комсомол. Среди них был и Федя Панасов. Комсомольцы на этом необычном, тайном собрании горячо выступали, вносили предложения. Некоторые говорили, что надо уходить из села и вместе с Красной Армией бить фашистов, а семиклассник Ваня Титков сказал так:

— Бить гадов здесь!

— Правильно! Бить! — раздались голоса.

— Я согласен с вами, друзья, — поддержал ребят Иван Васильевич. — Надо браться за оружие. А сначала — собирать боеприпасы и винтовки, которые остались на местах боев в лесу. Без оружия наш протест будет пустым звуком.

Директор школы вынул из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и, подсвечивая фонариком, прочитал:

«Товарищи, советские граждане, оставшиеся на временно оккупирован-

Навстречу подвигу

Яков ЛОЙКО

СЕРЖАНТ В ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ

Семья Полянских жила в поселке Сурское Ульяновской области. Когда напали на нашу Родину фашисты, Стасику было семь лет.

Отец — политработник — воевал на Западном фронте. Добровольно ушел на фронт и семнадцатилетний брат Геннадий. Стасик тоже мечтал попасть на фронт, бить фашистов: «Буду партизаном или разведчиком!» — решил он.

И восьмилетний мальчик сбежал из дома.

Как «сироту», его то и дело определяли в детские дома. Но он там долго не задерживался. Два-три дня — и опять в дорогу. Его целью был фронт.

На запад беспрерывным потоком шли воинские эшелоны. Стасик слезно просился, но его не брали. Как-то в сторону фронта направлялся воинский эшелон с кавалерийской частью. Мальчик тайком от часовых спрятался на одной из платформ между тюками прессованного сена. Солдаты разоблачили «зайца», но сжалились над «сиротой». В пути кормили его, тронутые выдуманной малышом легендой: «Мама умерла, папа на фронте...»

Был январь сорок третьего года. Стасик переживал первые солдатские невзгоды. Пронизывающий холод заставлял его в такт колесам выстукивать зубами дробь.

Однажды, проснувшись ночью, он увидел, что эшелон стоит на полустанке. Над головой сверкали холодные звезды. Кругом ни души, тихо. Слышалась канонада. Мальчугану стало страшно. Он вспомнил маму.

Одиночество его страшило больше отдаленной стрельбы. «Куда девались солдаты?» — размышлял он. Следы от повозок и отпечатки лошадиных копыт на снегу уходили в сторону фронта. Стасик шел долго, пока колючий морозный ветерок не донес до него резкий запах хлеба. Мальчик почувствовал голод. Он подходил к украинскому селу, то и дело втягивая в легкие аромат свежего хлеба. Запах привел его к полевой армейской хлебопекарне (ее называли тогда ПАХ).

Сергей ИВАНОВ

ПОЛ-ЕВРОПЫ ПРОШАГАЛ...

Шторм жестоко треплет небольшой корабль. Бурлит зимняя Атлантика. Тугой ветер срывает верхушки с волн, мешает соленые брызги с воздухом. После каждого порыва ветра на румяных щеках сигнальщика блестят, как роса, капли океана.

На мостике, рядом с сигнальщиком, укутавшись в меховой реглан, стоит капитан 2 ранга Соколов. Усталыми глазами внимательно смотрит он вдаль. Офицер только что вернулся из кубрика, куда ходил подбодрить молодых матросов, по-отцовски напутствовать перед вахтой.

...У Александра Александровича Соколова рано кончилось детство. Юность прошла в огне. Леденящее дыхание войны в его дом ворвалось раньше июня сорок первого. В тридцать девятом в боях с финнами пал смертью храбрых отец, кадровый командир Красной Армии.

...Фашисты подходили к Козельску. В городе семье командира оставаться было нельзя. С собой мать взяла лишь справку, что все хозяйство сдала государству, и двинулась в тяжелый путь.

В Тамбовской области, куда приехали эвакуированные, младшему, Саше, пришлось работать. Его научили запрягать лошадь, надевая хомут с табуретки. От зари до зари возил зерно, сено, дрова. По вечерам все собирались в тесной избе и с замиранием сердца слушали сводки о положении на фронтах. Однажды из репродуктора донеслось: «Красная Армия освободила Козельск». Вскоре после этого Соколовы возвратились в родные места.

...В августе сорок второго года через Козельск проходили части 149-й стрелковой дивизии. Все, кто был в городе, вышли на улицы.

— Покажи нам дорогу, — обратился к мальчику один из командиров.

Мальчик, гордый от такой просьбы, охотно согласился. Вместе с майором пошел впереди уходящей колонны. Тогда Саша Соколов не знал, что это будет началом длинной дороги, которая поведет его сперва на восток, а потом, круто повернув, стремительно — на запад.

Яков ЗАХАРОВ

О ВАСЕ КУРКЕ, СОЛДАТЕ И ТЕПЛОХОДЕ

Никто точно не помнит, как оказался Вася Курка на повозке взвода конной разведки нашего 726-го стрелкового полка. Во всяком случае это было, когда мы отступали под Мариуполем (ныне город Жданов). В сентябре сорок первого паренек поступил в техникум, а в октябре в Мариуполь ворвались фашисты. Вася убежал из города и прибился к нам.

Мальчишка с тонким, срывающимся голоском, открытым, доверчивым взглядом полюбился разведчикам за расторопность, общительность, смекалку. И оставили его во взводе — доглядывать за лошадьми.

Очень скоро всем стало ясно, что Васю в обозе не удержать, что он настоящий боец, отличный стрелок. Поэтому по рекомендации комсомольского бюро полка его направили в снайперскую школу. Здесь недавний врубмашинист шахты имени Войкова снайпер Максим Брыксин обучал бойцов подразделения меткой стрельбе из винтовки. После трехнедельного курса наук Брыксин выводил своих питомцев на передний край — сдавать экзамены.

Брыксин и его ученики наносили по врагу чувствительные удары. Вот что говорилось в сводке Советского информбюро за 3 мая 1942 года: «Снайперы подразделения тов. Маркиянчика (Южный фронт) наносят большой урон противнику. Снайпер тов. Брыксин уничтожил 126 гитлеровцев, Ипатов и Фаустов — по 100 гитлеровцев каждый».

В тяжелых, кровопролитных схватках летом сорок второго года Максим Брыксин и многие его товарищи выбыли из строя. Однако во время оборонительных боев на туапсинском направлении враг вновь ощутил на себе разящие удары наших мастеров меткого огня.

Вместе с юным учеником Брыксина комсомольцем Куркой на передний край стали выходить десятки других стрелков. Сам Вася Курка был награжден орденом Красного Знамени.

Когда дивизия сражалась на Кубани, Вася был направлен на учебу. Вернулся в родное соединение с погонами лейтенанта. Его назначили коман-

Клара ХРОМОВА

ПИСЬМА О ПОДВИГЕ

Фронтовые газеты рассказывали о судьбах нескольких мальчишек, добровольно ставших солдатами. Таких в те суровые годы называли «сын полка».

Рыбинский школьник Боря Новиков с первых дней войны рвался на фронт. Взрослые поражались его упорству — трижды возвращали мальчишку с полдороги домой, в четвертый раз он добился своего. Тогда ему было одиннадцать лет. Он стал сыном одной из частей Ленинградского фронта.

С разрешения матери Бориса привожу некоторые его письма.

«Добрый день или минутка!» — вот любимый его зачин. В перечислениях приветов родственникам, дружкам, учителям Мария Ивановна чувствовала тоску сына по дому. Скупы, по-мужски немногословны, сдержанны письма юного солдата.

«Живу хорошо. Сплю крепко, если позволяет боевая обстановка... Я — человек военный. Мне выдали обмундирование. Скоро кончится война — встретимся, но вряд ли ты меня узнаешь...»

А иной раз прорвется мальчишеский восторг:

«Скоро мне дадут орден! Если поеду в Москву — встретимся».

— Эх, Борька, Борька... — вздыхает мать.

После войны Мария Ивановна осталась совсем одна. Пока работала на орденоносном заводе полиграфических машин машинистом компрессорной установки, среди людей находилась — вроде легче было. Теперь труднее: для материнского сердца даже время не лекарь.

Как-то, сразу после войны, к соседям Новиковой приехал родственник и, не найдя никого дома, остался ждать их у Марии Ивановны. Подошел к вывешенным на стене фотоснимкам. На одном — мальчик в пилотке. Гость насторожился.

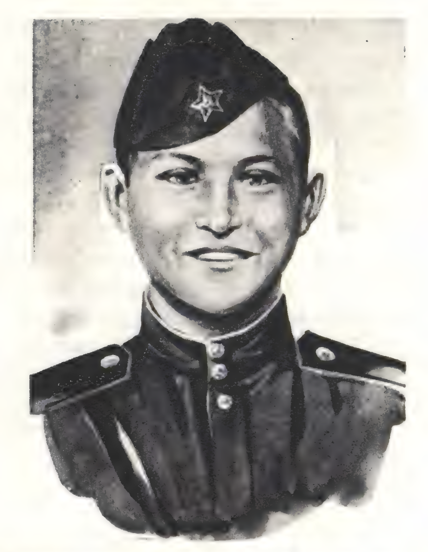
— А кем вам этот парень приходится?

— Сыном.

— Так я же его видел.

Вячеслав ФЕДОРОВ

ШЕЛ ВОЙНОЙ МАЛЬЧИШКА...

— Хорош! Ну хорош! — приговаривал добродушный дядька, вовсе не похожий на военного, если бы не латаная гимнастерка да мятые, из зеленого сукна, с ярко-красной окантовкой погоны на ней. Он резко поворачивал Мишку в разные стороны, причем тот никак не мог догадаться, куда в следующий момент его повернут, и был совершенно не готов к этому. Каждый раз при резком повороте у него больно отдавалось в шее, потому что голова поворачиваться запаздывала. Мишка терпел. Теперь он был военным. И форма у него была точь-в-точь, как у капитана Кондратьева — его второго, уже военного, отца.

Мишка стал сыном полка. Вернее, воспитанником автороты 362-й стрелковой дивизии, что входила в состав войск 1-го Белорусского фронта. Случилось это так.

Однажды капитан Кондратьев ехал по своим делам на грузовике, а на обратном пути думал заскочить на ферму договориться о молоке для своих бойцов. По дороге он и встретил Мишку Москалева, который согласился показать путь. Капитан стал расспрашивать Мишку о житье-бытье. Рассказ мальчишки был грустный, многое пришлось ему увидеть и пережить...

Был июль, и над полями стояло дымчатое марево. Поседела от пыли листва на тополях. Прокаленная дорога жгла босые ноги деревенских мальчишек, и оттого, наверное, те не стояли на месте, а весь день носились от околицы к околице, встречая и провожая усталых красноармейцев. А они шли неровным строем через деревню, измотанные дорогой, в серых, почти расплавившихся от жары сапогах, в белых, выцветших гимнастерках. По дальнему шляху, огибая деревню, проносились машины. Долго стояла пыль над дорогой.

У села Буглаи, где жил Мишка, на какое-то мгновение задержался фронт. Окопавшиеся на буграх бойцы то ли пытались приостановить наступление гитлеровцев, то ли прикрывали отход своих, но село оказалось на нейтральной полосе. Пули впивались в избы с двух сторон.

Владислав МОНАХОВ

ЕФРЕЙТОР ВАСЯ

Когда на мой редакционный стол легла вместе с письмом эта фотография, я долго не мог оторвать от нее взгляда. Жаль, что газетное клише не передает всего обаяния юного солдата. С его трогательной челкой на лбу, лукавой мальчишеской улыбкой. Как ладно сидит на парнишке гимнастерка, перешитая по росту чьими-то заботливыми руками. На фотографии он изображен вместе с девушками-санинструкторами.

Снимок сделан в сорок пятом в госпитале, сразу после войны. Ефрейтору Василию Трофимовичу Артемову было тогда двенадцать лет.

«Помогите мне найти Васю, — писал в своем письме в «Известия» бывший офицер артполка 52-й стрелковой Шумлинско-Венской дважды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии Павел Евграфович Смирнов. — Он прошел вместе с нашим полком трудные военные дороги и был мне как сын.

В боях за Прагу, 8 мая 1945 года, меня тяжело ранило в голову. Утром 9 мая я ненадолго пришел в сознание. Первым, кого я увидел, был Вася. «Товарищ капитан, — возбужденно зашептал он, — победа! Победа, товарищ капитан!..»

Я долго лежал в госпиталях. Все это время Вася, мой адъютант, неотлучно находился со мной. В сорок шестом меня отправили в Одессу к знаменитому профессору Филатову, а Вася поехал поступать в суворовское училище. Почти два года я лечился после ранения, перенес одиннадцать сложных костно-пластических операций, и ничего — выжил. Когда немного поправился, стал справляться о Васе. Куда я только не обращался! Все напрасно... Прошло с той поры почти тридцать лет, но я не перестаю верить, что Вася найдется. Не может быть, чтобы он не нашелся...»

Вот такое письмо. Подобных писем много приходит в редакцию. Нередко в конверт вложена пожелтевшая от времени фотография, где изображены отец или сын, сестра или брат. И просьбы в письмах схожие. Одни хотят

**Красные следопыты
Новокалитвинской средней школы**

БРАТЬЯ

Коля Илющенко

...Фронт подходил к Белогорью все ближе, и уже были слышны орудийные залпы, а небо по ночам становилось багровым.

Бои были трудные, наши отступали. И когда трое мальчишек появились среди солдат, им дали оружие.

В первом же бою один из них погиб, другого ранило. А третий — Николай Илющенко — дал слово воевать за себя и товарищей.

Он ходил в разведку, а потом его направили в школу фронтовых шоферов. Не раз удивлялись регулировщики: машина идет, а за баранкой никого не видно! Но шофером Николай был лихим: артрасчет с пушкой, которая была прицеплена к его машине, всегда вовремя прибывал на позиции.

Однажды Коля получил от бабушки письмо. Она писала, что братишка Ванюшка тоже сбежал на фронт, воевал где-то под Харьковом, а недавно на него пришла похоронка: «Пал смертью храбрых...»

Перед концом войны полк, в котором служил Николай, отвели на переформирование. Его сливали с другим, таким же обескровленным полком.

Шла перекличка. Командир вызывал:

— Илющенко!

— Я! — ответил Николай.

— Я! — отозвался другой боец.

В строю засмеялись. Командир нахмурился и повторил:

— Илющенко!

— Я! — снова откликнулись двое.

— Выйти из строя! — приказал командир.

Николай вышел. А с другого фланга тоже вышел мальчишка. Они поглядели друг на друга и закричали: «Братка!»

Иван РОЩИН

АФОНЯ

К деревне Кочуково, что в Калужской области, пламя войны приблизилось в декабре сорок первого года. Жители, способные держать оружие, ушли в армию. А старики, женщины, дети уходили на восток. Однажды, когда Фирсовы отъехали от своей деревни километров на тридцать, мать не обнаружила сына. Всё обыскала, но Афони нигде не было. Подговорив двух сверстников, Афанасий ушел на фронт. Однако друзья оказались ненадежными и на десятом километре повернули обратно.

Афоня же шел только на запад. На вторые сутки он был уже в родной деревне. Тут его на следующий день и нашли бойцы одной из частей.

Мальчишку привели к командиру. Тот задумчиво посмотрел на оборванного и грязного мальчугана: «Что же мне с тобой делать?»

Его помыли в бане, одели в срочно сшитую красноармейскую форму. Так Афанасий Фирсов стал сыном полка.

Мальчика пригласил к себе находившийся в части член Военного совета армии, поинтересовался, откуда Афоня родом. Затем беседовал с командиром части о судьбе мальчика. И отправили Афоню в штаб армии.

На новом месте Афоня особенно привязался к начальнику штаба — генералу Баграмяну, старательно выполнял его поручения.

...Шло время. Советская Армия наступала по всему фронту.

Под Орлом Афанасий Фирсов был ранен. Но воинский строй не покинул, вместе со штабом 11-й гвардейской армии продвигался на запад.

После освобождения Брянска армию перебросили под Невель. К этому времени Афоня уже считался опытным, бывалым воином. Но когда в конце сорок третьего года были образованы суворовские училища, командарм принял решение о направлении Афанасия на учебу.

...Пролетели годы. Афанасий окончил суворовское, а затем и военное училище. Служба в полку, хорошая командирская практика. И снова учеба, но уже в академии. А совсем недавно я узнал: ныне Афанасий Фирсов — полковник-инженер, кандидат технических наук.

Елена КОЧЕТКОВА

ВСТРЕЧА

С экрана смотрит мальчишка в хорошо подогнанной гимнастерке. На ремне — кобура. На вид ему лет двенадцать, не больше. Вот он разбирает пистолет, сосредоточенно чистит его. Следующий кадр — маленький солдат стаскивает гимнастерку, сапоги. Бойцы подают ему девичье платье и чулки, расчесывают волосы. Паренек невозмутим. А солдаты смеются: хороша получилась дивчина... Диктор поясняет, что это юный разведчик Володя Бажанов готовится к переброске в тыл врага.

Кадры хроники имеют продолжение. После боя за небольшую польскую деревню командир награждает отличившихся солдат. Среди них и Володя Бажанов. Офицер прикрепляет к его гимнастерке орден Славы III степени за участие во взятии ценного «языка».

Наверное, не думал тогда фронтовой оператор, что спустя три десятилетия его кинолента, показанная по телевидению, сведет двух боевых товарищей-разведчиков.

Долгим был путь Володи на фронт. Дважды убегал мальчишка из дому, и всякий раз возвращали его в Балашиху, где он жил. Плакала мать. А Володя твердил свое: «Ну, мам, ну убегу я, все равно убегу».

Не раз Володя наблюдал, как неподалеку от дома проходили воинские эшелоны. Ночью, чтобы часовой не приметил, вскочил на ходу на подножку вагона. Укрылся на обледенелой крыше.

Наутро часовой снял с крыши обмороженного паренька. Представили его командиру 248-й отдельной стрелковой бригады полковнику Гусеву. Тот усмехнулся: «Ну и что же нам с тобой делать?» В разговор вмешался начальник политотдела Петр Васильевич Шараутин:

— Пропадет мальчишка. Может, оставим?

Так стал Володя сыном полка. С первых дней подружился он с развед-

Яков КИМЕЛЬФЕЛЬД

БЫЛ В СОЛДАТСКОМ СТРОЮ МАЛЬЧИШКА

В деревню Грынь ворвались гитлеровцы. Насаждать «новый порядок» они начали с расстрела мирных жителей. Одной из первых пострадала семья Алешковых: мать фашисты расстреляли возле дома, а старшего ее сына Петра, заподозренного в связи с партизанами, повесили. Уцелевшие жители села бросились в лес. Успел скрыться от палачей и пятилетний Сережа Алешков.

Он не помнит, как отбился от людей, как потерялся в лесу. Чуть живого, обессилевшего, продрогшего и голодного нашли его наши разведчики и принесли в землянку к командиру. Хорошо помнит об этом полковник в отставке Михаил Данилович Воробьев. Ветеран рассказывает:

— В землянку принесли его совсем раздетого. Все тело в гнойниках и нарывах. Взял я его на руки и, верите, слова сказать не могу: комок к горлу подступил. А он смотрит так тоскливо, глаза испуганные, личико худенькое. Узнав, что его мать враги расстреляли, а брата повесили, я спросил: «Хочешь с нами фашистов бить?» Посмотрел он на меня серьезно и сказал: «Да». И тут я предложил мальчику: «Давай я твоим отцом буду...» Обвил он меня ручонками, прижался к груди...

В тот же день парнишка попал в заботливые руки медсанбатовцев. А ночью для него сшили форму. Настоящую, военную. И гимнастерку армейскую, и галифе, и сапоги, и пилотку.

Так Сережа стал воспитанником полка и приемным сыном Михаила Даниловича.

В полку он разносил письма, газеты и очень гордился своей военной формой.

Однажды для вручения гвардейского Знамени в дивизию прибыл командующий армией генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков. После торжественного построения был небольшой концерт, на котором попросили выступить и Сережу.

Иван ФОМИН

ИЗ ТЫСЯЧ ЛИЦ УЗНАЛ БЫ Я МАЛЬЧОНКУ...

По какому поводу приезжал я осенью сорок третьего года в эту гвардейскую Сибирскую дивизию, уж точно и не скажу, но навсегда запомнился мне своим юным видом, особой лихостью и в то же время солидностью мальчишка, сопровождавший меня в штаб. Было ему лет тринадцать, на груди поблескивала медаль «За боевые заслуги». У меня же никаких наград тогда еще не имелось. По этой причине, видимо, вел он себя с чувством некоторого превосходства.

В штабе я попросил рассказать мне о маленьком бойце. Времени, правда, было в обрез, и я узнал лишь, что Саша Попов в комендантской роте не так давно, а медаль свою более чем заслужил. Я занес сведения в блокнот, надеясь заняться вскоре моим провожатым обстоятельнее. Но вихрь войны закружил нас обоих, а фронтовые дороги разошлись.

Мои попытки разыскать мальчика после войны ни к чему не приводили. И вдруг недавно случай свел меня с бывшим начальником химической службы дивизии полковником в отставке Плоткиным. Он кое-что вспомнил, а главное, я смог связаться через него с теми, кто знал о дальнейшей судьбе Саши.

Более старательного связного, чем Саша Попов, в комендантской роте не было. Парнишка отличался аккуратностью, быстро научился стрелять, выполнять строевые приемы, а летом сорок второго года получил боевое крещение.

В районе деревни Пушкари враг вплотную подошел к наблюдательному пункту дивизии. За оружие взялись все. Юный боец вел по врагам только прицельный огонь... От его метких выстрелов нашло себе могилу немало фашистов.

С наступлением темноты оборонявшиеся отошли в сторону болота.

Мануил СЕМЕНОВ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ...

Это было ранней весной сорок второго года. Мне довелось присутствовать на слете героев битвы под Москвой. Велико же было мое удивление, когда среди участников той встречи увидел мальчика двенадцати-тринадцати лет в красноармейской форме и с новеньким орденом Красной Звезды.

Я спросил юного орденоносца:

— Как тебя зовут?

Он вытянулся, щелкнул каблучками сапожек и четко доложил:

— Красноармеец Андрианов!

Я обнял маленького бойца, и мы долго разговаривали.

Позже я потерял из виду Ваню Андрианова и не знал, как сложилась его дальнейшая судьба.

Но фотография, сделанная фоторепортером Абрамяном, и очерк, вскоре напечатанные в нашей армейской газете «За правое дело», сохранились...

Ваня Андрианов, худенький паренек с редкими веснушками на лице, примостился на печке. Он прислушивается к непонятному разговору гитлеровских солдат. Одни из них горланили песни, другие хохотали, запрокидывая взлохмаченные головы. Лица их покраснели от вина и жары — печурка раскалена, а они все подкладывают дров.

Вчера утром фашисты уехали куда-то на машине, а вечером вернулись с награбленным: курами, гусями, поросятами, овцами. Руки у многих солдат были в крови — кто знает, чья это кровь? Ваня оглядывает запоганенную избу и, наклонившись к матери, шепчет:

— Мама, мама, пусти меня к своим.

Мать испуганно смотрит на сына:

— Куда ты, глупый, убьют!

Ярослав ГОЛОВАНОВ

КАВАЛЕР ОРДЕНА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

...На Воронеж фашисты полезли после провала блицкрига, летом сорок второго года, когда отец Кости Петр Павлович уже был в армии. Костя тоже ходил в военкомат, но ему дали отставку по малости лет и хрупкости тела. Когда фронт подошел совсем близко к городу, мама его Мария Федоровна в слезах собрала маленький узелок, и пошли они с сыном на восток. Пешком. В деревне Верхняя Хава Костя сбежал.

Ему удалось упросить командира взвода разведки послать его в город. Город горел. Дымная туча стояла над Воронежем, и из этой тревожной черноты слышались выстрелы и взрывы. Генерал в черном мягком шлеме велел приглядеться к танкам.

Было тихое, ясное июльское утро, когда он подошел к реке. Разделся, спрятал кожаную куртку и сапоги, свернул в узелок рубашку со штанами и поплыл. И вот тут впервые в жизни услышал нежный, слабый, короткий свист. Это свистела пуля. Он не сразу даже понял этот звук, а когда понял, не столько испугался, сколько удивился. Это ужасно неестественно, когда по тебе стреляют. Он переплыл реку и опять пошел вперед. Быстрый, ласковый свист приближался, и Костя упал. Он решил прикинуться убитым — это была его первая военная хитрость, известная не то что историкам, палеонтологам даже. Но фашисты, видимо, ее не знали и стрелять кончили. Полежал — пополз дальше. Опять засвистело, и опять он ткнулся в сырую землю. Только когда гитлеровцы увидели, что движется он, в общем-то, к ним, стрелять перестали. Костя понял, что скрываться теперь нет никакого смысла, и внутренне подготовился к встрече.

Мокрый, худенький мальчик стоял перед ефрейтором и с наигранной бестолковостью твердил, как потерял он мать, как искал и не нашел ее и как теперь идет домой. Появился переводчик, и Костю повели в городской парк, где стояла какая-то часть. Обстановка была нервная, бегали, кричали и допрашивали Костю невнимательно, рассеянно, а потом дали ведро и послали за водой к колонке. Тут он и утек.

У юнги тоже сердце моряка

Валерий
ШАМШУРИН

МАТЬ И СЫН

Сначала приведу выдержки из письма Александры Васильевны Морозовой к другу ее сына — Алексею Юсипову, бывшему юнге флота.

«Здравствуй, дорогой Алеша!

Письмо твое я получила. Спасибо тебе, большое сердечное спасибо за теплые слова, за то, что ты не забываешь Игоря — друга детства и боевой комсомольской юности.

Алеша! Я так рада и так благодарна тебе, что ты один из тех в нашем городе, кто поднял вопрос о юнгах и сыновьях полков. Молодец, Алеша! Ведь вы, юнги, сквозь битвы несли свою честь, понимая, как важно выполнить долг перед Родиной.

Мне очень хочется встретиться с тобой. Игорь до последнего вздоха, до самого последнего удара своего сердца вспоминал о тебе как о лучшем своем друге и товарище.

Мы поставили памятник Игорю и на памятнике написали слова из его стихотворения:

Пройдут незаметные годы,
И сменят друг друга века,
Но путь не забудут народы
К могиле бойца-моряка.

Давно уже нет в живых моего сыночка, а мне все не верится, что я никогда, никогда больше не увижу его. Тоска, мучительная, безысходная тоска о нем извела меня вконец. Одна надежда на вас, юнги, юные участники войны, на тебя, Алеша...»

Лето сорок второго года. Ей позвонили из военкомата:

— Александра Васильевна, уймите вашего сына. Замучил нас — требует послать на фронт.

Вечером она говорила с сыном:

Пионеры Данковской средней школы.
Московская область, город Серпухов

ГОНКА НА ФРОНТОВОЙ ДОРОГЕ

Алеша Чхеидзе по комсомольской путевке в шестнадцать лет добровольно ушел на фронт. Он стал разведчиком и участвовал во многих операциях на Черном море и Дунае. Был тяжело ранен: потерял зрение, почти потерял слух, лишился кистей обеих рук и получил серьезное повреждение ног. Врачи направили матроса в наше родное местечко Данки. Здесь, в госпитале, и познакомились с ним ребята из нашей школы.

Шли годы, Алексей Чхеидзе стал большим другом пионеров. Однажды он рассказал о своей мечте: собрать бойцов отряда «Бороды» — так прозвали в войну их отряд, потому что командир носил длинную бороду.

Семнадцать лет следопыты нашей школы вели поиски. Удалось разыскать всех бойцов отряда! Алексей Чхеидзе передал собранный ребятами материал и адреса писателю Стрехнину, который написал книгу «Отряд «Бороды». Эту книгу во всех классах нашей школы читают вслух. Боевые дела разведчиков для нас — пример мужества и беззаветной любви к Родине.

Каждый день приходим мы к Алексею Александровичу и работаем вместе с ним. Для героя-воина самое главное — работа. Мы отвечаем на письма, записываем его рассказы об освободительном походе на Дунае, читаем ему свежие газеты, журналы, рассказываем о школьных делах.

Мы рассказали о дружбе с Алексеем Чхеидзе, чтобы все оглянулись вокруг: а не живут ли рядом люди, которые отдали свое здоровье ради счастья и мира? Заботиться о них — наш долг.

А вот что вспоминал позднее сам Алексей Чхеидзе, бывший разведчик Дунайской военной флотилии:

— Был жаркий августовский день сорок четвертого года. По шоссе быстро двигалась колонна автомашин с морскими пехотинцами. В кузове головной машины — разведчики. Среди них и я.

Александр **ПОЛЯКОВ**

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГАВРОШ

Шли последние дни декабря сорок первого года. Предпринятый фашистами второй штурм Севастополя провалился. Отразив бесчисленные вражеские атаки и отбросив гитлеровцев далеко назад, защитники города, заняв оборону, укрепляли свои позиции, принимали пополнение, вели разведку. В Севастополе временно наступило затишье.

В один из таких дней, возвратившись с задания, разведчики прославленной 7-й бригады морской пехоты привели с собой мальчугана лет тринадцати. И вот стоял теперь пионер Валерий Волков перед комиссаром Николаем Евдокимовичем Ехлаковым в драном пиджаке с чужого плеча и дрожал то ли от холода, то ли от испуга. Слезы катились по щекам.

Ехлаков уже знал, что у мальчишки нет ни отца, ни матери. Разведчики обнаружили его в полуразрушенном доме села Нижний Чоргунь, где он прятался от фашистов. Валерий просил взять его с собой, но моряки отказали ему. Тогда, показав разведчикам кратчайший и наиболее безопасный путь к лесу, мальчуган переждал, пока они отойдут на почтительное расстояние, и, крадучись, двинулся за ними. Очутившись в густом лесу, моряки остановились. Прекратил преследование и Валерий, притаившись в кустах. Один из разведчиков окликнул его:

— Эй, пацан! Кончай прятаться. Иди сюда...

Мальчишка приблизился. И только теперь он увидел, что среди разведчиков находится девушка. Валерий с мольбой обратился к ней:

— Возьмите меня с собой... Прошу, очень прошу... Честное пионерское, не подведу...

Лейтенант Илита Даурова молчала. После некоторого раздумья она сказала:

— Ребята, давайте возьмем парнишку... Ну что он здесь, среди немцев, будет делать?

Сергей ШАХОВ

ТАКАЯ ЕМУ СУДЬБА ДАНА

Никогда не забудет бывший юнга Иван Зорин Парад Победы, в котором ему довелось участвовать 24 июня 1945 года. Он гордо чеканил шаг по Красной площади в колонне сводного батальона Северного флота. Когда Иван проходил мимо Мавзолея Владимира Ильича Ленина, то думал о своей судьбе, о том пути, который привел его сюда, на площадь, на парад. А путь этот был не из легких.

До войны Ваня Зорин учился в ремесленном училище в городе Пушкине под Ленинградом. В первые дни войны добровольно ушел в истребительный батальон. В четырнадцать лет защищал Пушкин, воевал под Пулковом. Был ранен. Перенес первую блокадную зиму. Весной сорок второго года семью Зориных эвакуировали на Волгу в город Куйбышев. Ваня стал работать фрезеровщиком на заводе, имел броню. Но, как большинство подростков, стремился попасть на фронт, вернее, снова вернуться под Ленинград и бить там фашистов. На это у него было особое право: под Ленинградом в самом начале войны погибли его отец Павел Сергеевич и старший брат Василий. Ваня обивал пороги райвоенкомата и райкома комсомола, просил послать его на фронт.

В мае сорок второго года приказом наркома Военно-Морского Флота СССР Кузнецова была создана школа юнг ВМФ. Мне довелось в ту пору быть комиссаром этой школы. Помню, сотни четырнадцати—шестнадцатилетних мальчишек добровольно по путевкам комсомола пришли к нам, чтобы получить специальность рулевого, боцмана, моториста, электрика, радиста... Из Куйбышева прибыл на Соловецкие острова Ваня Зорин.

В школе юнг Ваня учился прилежно, был дисциплинирован, исполнителен, пользовался авторитетом у подростков. Не случайно его назначили старшиной класса. За внимание к товарищам, за душевную теплоту, добродушие юнги звали его ласково «батя».

Юрий КОЗЛОВ

ЮНГА С МАЛОЙ ЗЕМЛИ

Главстаршина Доценко выдал ему бескозырку (чудом держалась она у Ивана на ушах), бушлат, тельняшку, и кто-то из команды пошутил, что при такой тельняшке штаны ни к чему — все равно их не видно. Так Иван Соловьев стал юнгой и сигнальщиком тринадцатого мотобота (по-военному МБ-13) 83-й бригады морской пехоты 18-й десантной армии.

Шел март сорок третьего года...

— Вот, Ваня, — серьезно говорили матросы, — тебе тринадцать лет, и мотобот у тебя тринадцатый... Долго, значит, жить будешь, юнга!

Капитан-лейтенант запаса Иван Иванович Соловьев живет сейчас в Анадыре, на улице Рультытегина, в двухэтажном доме с узкой скрипучей лестницей. Анадырские улицы — пастбища ветра, а зимой над каждым подъездом горит мощный прожектор — в пургу можно заблудиться и между двух домов. Из окна Соловьев видит холодное Берингово море, сопки и корабли. Ночью корабли напоминают новогодние елки — столько на них огней.

Прошлым летом он ездил в Геленджик. Ходил по улицам, где ранней весной сорок третьего просил у матросов хлеб; спускался в бухту, на берегу которой ночевал тогда под днищем старой лодки; искал причал, откуда ушел на мотоботе МБ-13 в свой первый рейс на Малую землю. Потом он купил билет на белый катер и поплыл на нем в сторону бывшей Малой земли, и небо было над головой чистым, и чайки летали над катером, и было ему слегка не по себе, что сейчас солнечный день, а не ночь, что идет катер по фарватеру, а не прижимается к отвесному спасительному берегу, который, однако, сразу за Кабардинкой перейдет в пологий, и тогда не будет у катера защиты от береговой артиллерии, самолетов и торпед... А когда прогулка на катере закончилась, он спустился с причала и пошел вдоль берега, вспоми-

Виталий **ВОЛЖАНИН**

КЛЯТВА

Несмотря на лето, дни стояли прохладные и сырые. Вдоль Амура и на Хингане прошли проливные дожди. И большие и малые реки вышли из берегов. Воды Тихого океана пока оставались тихими. Кое-где у Курильской гряды поднималась волна, шаловливо играя с прибрежными камешками, опрокидывая рыбачьи баркасы...

Корабли вышли в море тринадцатого числа. Число, прямо скажем, не на всех флотах почитаемое. Мои флотские друзья в приметы не верили. Фрегат ЭК-2 и тральщик ТЩ-278, на борту которых находился отдельный батальон морской пехоты, вот уже двенадцатый час были в море. Солнце с трудом пробивалось сквозь мглистую дымку, погружая косые лучи в воды Японского моря. На рассвете 14 августа кораблям приказано войти в Сейсинскую бухту, где уже должны были находиться наши торпедные катера с бойцами пулеметной роты.

Володя Моисеенко вспомнил, что на катерах этих служили его однокашники, юнги из пятой роты мотористов. «Будет время, — подумал он, — обязательно заскочу к ребятам».

От воды потягивало холодом, утреннее солнце не грело. Десантники сгрудились у вентиляционного раструба, оттуда поднимался теплый воздух. Морские пехотинцы вполголоса переговаривались, протирали автоматы, неторопливо набивали патронами диски. Каждый был занят своим делом. Облокотившись на поручни трапа, задумчиво смотрел на приближавшийся корейский берег Володя Моисеенко, корабельный электрик с тральщика «Проводник», воспитанник Соловецкой школы юнг. Прислонившись спиной к ящикам со снарядами, просматривал газету Андрей Степанович Лубенко, неутомимый фоторепортер тихоокеанской «Боевой вахты». Сводки с фронтов были довольно утешительные. На хингано-мукденском направлении японские армии были рассечены мощными ударами войск 1-го Дальневосточного фронта. Благоприятно складывавшаяся обстановка позволила

Нина ТРОХОВА

ГЕРОЯМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Это случилось в дни Великой Отечественной войны. В мае сорок четвертого года. Отряд торпедных катеров Северного флота вышел на перехват вражеского конвоя. В бою катер, на котором был мотористом юнга Саша Ковалев, получил несколько пробоин. Был пробит коллектор мотора. Из отверстия сильной струей била горячая вода. Юнга-комсомолец закрыл пробоину своим телом. И катер смог вернуться в базу. Посмертно Саша Ковалев награжден орденом Отечественной войны I степени.

Многим читателям история юного моряка Саши Ковалева хорошо известна. Но вот вопрос: совершал ли кто-либо еще такой подвиг, как Саша Ковалев? Сегодня, например, все знают, что подвиг Александра Матросова повторили многие советские воины.

Не будем интриговать читателя, а сразу скажем: да, подвиг Саши Ковалева, как и Матросова, повторили. И сделал это сверстник Саши — юнга Иван Дудоров. Они учились в одной и той же роте, но в разных сменах и не знали друг друга. Служить им пришлось на разных флотах: Ковалеву на Северном, Дудорову — на Балтике. И корабли у них были разные: у Саши — торпедный катер, у Ивана — «морской охотник». Но в общем-то, катера.

...Он добрался до своего катера, где предстояло теперь служить, ближе к вечеру. В воздухе появился «юнкерс». Корабли и береговая зенитная батарея открыли огонь.

Иван Дудоров присел на причальный кнехт и стал наблюдать за трассирующими снарядами. Они чертили серебристыми пунктирами небо, но до самолета не долетали. Обидно.

— Ты чего без каски? Марш к пулемету! — услышал юнга.

Валерий ШАМШУРИН

МОРСКОЕ БРАТСТВО

Как Женька Ушаков попал на Соловки? Это целая история, и в сравнении с ней приключения Гекльберри Финна — ничто. В декабре тридцать девятого года двенадцатилетний Женька ступил на палубу старенького буксира-ледокола, чтобы добраться до острова и навестить поселившуюся там ненадолго мачеху. А мачеха тем временем, тоже на буксире, отплыла с Соловков, чтобы проведать Женьку, жившего у родственников в деревне Карповской на побережье. Суда разминулись, и... В общем, это были последние рейсы, так как море замерзало. Женька остался один.

Кутаясь в ветхое пальтишко, ошеломленный этим ударом судьбы, Женька первые часы простоял на берегу, глядя, как белая муть обволакивает небо и воду, закрывая горизонт. Что делать? Спасибо, добрые люди приютили, поселили у себя, устроили в семилетку.

Остров приворожил мальчика, и он уже ни за что не хотел покидать эти места. Тем более что ему удалось устроиться учеником машиниста на пароходе «Ударник»...

Началась война. Где-то воевал Женькин отец, вестей от него не было. Женька считал себя полноправным хозяином своей судьбы и, конечно же, очень самостоятельным человеком. Вот почему он пришел к капитану парохода и сказал: «Отпустите меня на фронт». Капитан засмеялся и ответил так: «Захотелось из-под пушек пугать лягушек!» Обидно ответил. Женька тогда чуть не расплакался, но все же сдержал себя: мужчина все-таки. И начал думать о побеге.

Но тут, к Женькиной радости, на Соловках открыли школу юнг. Одинокого мальчика приняли туда без лишних разговоров. Женька попал в роту мотористов, стал изучать двигатели.

В школе Женька познакомился с горьковчанами Серегой Барабановым, Лешкой Юсиповым и Виталькой Гузановым. Пареньки были что надо. Свои. Это Женька сразу почувствовал. И не ошибся: ребята старались, учились

Владимир МАТВЕЕВ

...С «МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА»

Далеко не все сотрудники института Челябинскгражданпроект знают, что скромный, ничем не выделяющийся Юрий Владимирович Татарников, работающий главным специалистом-геологом в отделе изысканий, — активный участник Великой Отечественной войны. Вроде бы и вида не геройского, и по возрасту не совсем подходит — год рождения двадцать седьмой. Но когда в праздник Татарников надевает выходной пиджак с боевыми наградами, сразу становится видно: прошел человек по войне путь немалый.

А из праздников Юрию Владимировичу особенно дорог тот, что отмечается в конце июля, — День Военно-Морского Флота СССР. Дорог потому, что судьба Татарникова тесно связана с морем и флотом, а среди его наград есть такая, которую встретишь не часто, — медаль Ушакова.

Пятнадцатилетним парнишкой надел Юрий матросскую форму. Надел с трудом, как принято говорить в подобных случаях: брюки и фланелевку для него подобрать не удалось, пришлось их перешивать «в индивидуальном порядке». И не потому, что был он гвардейцем богатырского сложения. Как раз наоборот — маленький, щупленький: рост сто сорок девять сантиметров, обувь тридцать пятого размера...

Летом тяжелого сорок второго года Юра Татарников стал воспитанником только что созданной школы юнг Военно-Морского Флота, а переход к ней на Соловецкие острова из Архангельска оказался для паренька из Свердловской области первым с глазу на глаз знакомством с морем.

Военный путь Юра, рвавшийся, как и все его сверстники, в тяжелую для Родины пору на фронт, выбрал не случайно. В родном Ирбите остались мать и отец, вернувшийся с передовой после ранения. Старший Татарников, желая внести посильный вклад в разгром ненавистного врага, служил теперь в эвакуированном на Урал из Смоленска артиллерийском училище. А разве мог остаться в стороне его сын? Разве мог он не думать об отмщении врагу за страдания Родины и нашего народа, за раны отца?

Александр КОЧЕТКОВ

ЮНГИ НЕВСКОГО ПЯТАЧКА

Коля Бар

Витя Шишкин

Остров Валаам в Ладожском озере — одно из чудесных заповедных мест на нашей земле. И в самом деле — стоит ступить на остров, как попадешь в царство лесов, зеркальных озер и проливов, извилистых дорог и троп...

Есть в истории острова одна страница — пожалуй, самая героическая и памятная. Под сенью лесов, на скалистых берегах до сих пор можно увидеть следы минувшей войны — то полуобвалившийся окоп, то заросшую траншею... Чьи они? Кто в них сражался?

То было в первые дни нашествия гитлеровских орд.

Вся тяжесть обороны острова Валаам поначалу легла на плечи воинов только что сформированной 4-й бригады морской пехоты да курсантов местной школы боцманов и юнг. Проявляя стойкость и упорство, они делали все возможное и невозможное, возводя оборонительные сооружения: рыли окопы и траншеи, ставили противолодочные заграждения, дежурили у пулеметов, установленных на крыше школы и колокольне церкви, несли в засадах дозорную службу.

А канонада приближалась к острову, все чаще над берегами седой Ладоги дрожало багровое зарево пожаров.

Однажды ночью в прибрежных зарослях послышались какие-то странные звуки, потом зашелестело в кустах. Это враг высадил на остров десант.

Герой Советского Союза
Андрей ЧЕРЦОВ

ОГНЕННЫЙ РЕЙС

Двести двадцать пять дней и ночей наши десантники героически удерживали Малую землю — клочок суши под Новороссийском, захваченный фашистами. И каждую ночь выходили к Цемесской бухте наши торпедные катера, чтобы отгонять фашистов от Малой земли...

Весной сорок третьего года, после одного из таких боев, наш ТК-93 — я был его командиром — пришлось отвести на ремонт в Батуми. Там мы и встретили Валерия Лялина, осиротевшего тринадцатилетнего паренька. Он рвался в море и отчаянно просил нас помочь ему стать моряком.

Я вспомнил свое детство: я хорошо знал, что такое жизнь беспризорника, на флот пришел из детдома. А Вальке было еще тяжелее — шла война.

И мы взяли Вальку на катер. Думали, пока идет ремонт, приоденем, подкормим его, а придет пора уходить в море — отправим в школу юнг на Соловецкие острова или в детдом.

Валька помогал нам ремонтировать катер и хорошо изучил сложное моторное хозяйство. При случае мог заменить моториста.

Мы подружились со славным пареньком. И когда пришло время расставаться, нарушили установленный порядок и оставили его на своей «Девятке».

Во время решающего сражения за Новороссийск наш Валька с честью принял боевое крещение. О подвиге нашего юнги в ночь на 10 сентября 1943 года я и хочу вам рассказать...

Время за полночь. Цемесская бухта погружена в темноту. На море ни огонька, ни искорки. Спит черная полоска берега, спит глубоким сном порт. Или только кажется, что спит? Каждый камень, каждая доска причала таят под собой смертоносный груз — фашисты укрыли там тысячи килограммов

Виталий ГУЗАНОВ

НИКАНОРЫЧ

Старый моряк заболел. Странное дело: второй день ломит поясницу, в груди щемит; раньше Владимир Никанорович такую хворь принимал за легкое недомогание. К врачу обращаться не стал, а взял трехдневный отпуск. У него были отгулы, которые он никогда не использовал, копить их — тоже не копил и к очередному отпуску не прибавлял, как делали другие. У него не только в будни, но и в выходные дни находилась на судне работа, и он как бы растворялся в ней.

Лето в том году было унылое. Дожди и слякоть. Ветры и холод. Вот и на этот раз не везет. С утра Припять затянуло туманом, а ближе к сумеркам ветер принес мелкий дождь, который к полуночи перерос в ливень. Казалось, что лето не торопилось уносить весну, как порой бойкий ледоход уносит зиму.

В такую погоду всегда зябко на душе у капитана Владимира Никаноровича Смирнова, или Никанорыча, как его попросту называют друзья, ветераны речники. В дождь и сырость у него всегда портилось настроение. Шаркая по полу войлочными шлепанцами, он бесцельно слонялся по дому, ежился, кряхтел как старик. Время от времени Никанорыч подходил к окну, сердито пыхтел трубкой, торчащей из-под щетинистых усов, бормоча какие-то ругательства.

Дочь его, Нина, светловолосая, с мягкими чертами лица, застенчивая на людях, посмотрела на отца с беспокойством:

— Может, пчелиным ядом потереть спину, папаня? — спросила она, не отрываясь от школьных тетрадей. — Отменное средство.

Но Владимир Никанорович что-то пробурчал в ответ и ушел в свою комнату.

Нина еще долго проверяла сочинения своих учеников и слышала, как вздыхал за тонкой перегородкой отец.

— Слышь, доченька, нынче Припять злая...

1 р. 10 к.

